

<https://doi.org/10.22363/2687-0088-30149>

Research article

“Language thinking” from the perspective of systemic linguistics

Uldanai M. BAKHTIKIREEVA   and Olga I. VALENTINOVA

Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University), Moscow, Russia
 bakhtikireeva-um@rudn.ru

Abstract

Systemic Linguistics by Gennadii P. Melnikov, representing the interaction of linguistics and philosophy, is a system of established scholarly knowledge. An evidence-based system of knowledge that rationally certifies Melnikov's results is reflected, in particular, in the systemic typology of languages as a subfield of systemic linguistics. Like systemic linguistics in general, systemic typology of languages has not yet been sufficiently subjected to scholarly reflection. The goal of the article is to expand the scholarly discourse on the systemic approach to language. The authors focus their attention on the explanatory potential of systemic linguistics in the study of the features of thought expression in the agglutinative Kazakh language and the problem of its conveyance by means of the inflectional Russian language. The data were obtained from everyday communication, the Kazakh-Russian dictionary (2008), samples from the Kazakh-language works by Auezov, Shakhnov, Korgasbek, Suleimenov among others, and their translations into Russian. The article aims to reveal the features of dividing sense into meanings in typologically different languages. The findings substantiated and verified the provision that in typologically different languages the division of sense into meanings differs and, depending on a meaning, may be expressed by a one-word nomination or cognomination. The study has revealed the ability of an inflectional language to convey the static character of an agglutinative language and to transform this staticity into eventfulness, depending on the purpose of communication. Thus, the research has proved that the same mental content is conveyed by different means developed in languages of different morphological types.

Keywords: *systemic linguistics, extralinguistic thinking, linguistic thinking, sense, meaning, similarity association*

For citation:

Bakhtikireeva, Uldanai M. & Olga I. Valentinova. 2022. “Language thinking” from the perspective of systemic linguistics. *Russian Journal of Linguistics* 26 (1). 224–244. (In Russian). <https://doi.org/10.22363/2687-0088-30149>

© Uldanai M. Bakhtikireeva and Olga I. Valentinova, 2022

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

Особенности «языкового мышления» с позиций системной лингвистики

У.М. БАХТИКИРЕЕВА ✉, О.И. ВАЛЕНТИНОВА

Российский университет дружбы народов, Москва, Россия
✉bakhtikireeva-um@rudn.ru

Аннотация

Системная лингвистика Г.П. Мельникова, представляющая собой взаимодействие языкознания и философии, – это система сложившегося научного знания. Доказательная система знаний, рационально удостоверяющая полученные Г.П. Мельниковым результаты, отражается, в частности, в разделе системной лингвистики – системной типологии языков. Как и системная лингвистика в целом, системная типология языков недостаточно подвергается научной рефлексии. Сверхзадача статьи – расширить научный дискурс о системном подходе к языку. Авторы фокусируют свое внимание на объяснительном потенциале системной лингвистики в исследовании особенностей выражения мысли в агглютинативном казахском языке и проблеме ее передачи средствами флективного русского языка. Исследование проводилось на материале высказываний повседневного общения, выборки из Казахско-русского словаря (2008), из сочинений казахских писателей (М. Ауэзова, М. Шаханова, Ж. Коргасбека, О. Сулейменова и др.) и их переводов на русский. Цель статьи – выявить особенности членения смыслов на значения при передаче единого ситуативного содержания средствами типологически разных языков. Результатом исследования явилось обоснование и верификация положения о том, что в типологически разных языках особенности членения смысла на значения проявляются в том, какие смыслы выражены однословной номинацией, а какие – когноминативной. В ходе сопоставления речевых реализаций типовой схемы агглютинативного высказывания и предложенных вариантов их перевода на флективный язык была раскрыта способность флективного языка передавать статичность агглютинативного языка и преобразовывать эту статичность в событийность в зависимости от цели общения. Таким образом, было доказано, что единое мыслительное содержание передается разными средствами, выработанными в языках разных морфологических типов.

Ключевые слова: *системная лингвистика, внеязыковое мышление, языковое мышление, смысл, значение, ассоциация по сходству*

Для цитирования:

Бахтикиреева У.М., Валентинова О.И. Особенности «языкового мышления» с позиций системной лингвистики. *Russian Journal of Linguistics*. 2022. Т. 26. № 1. С. 224–244. <https://doi.org/10.22363/2687-0088-30149>

1. Введение

Своеобразие теории отражения основоположника современной системной лингвистики Г.П. Мельникова, на которую мы опираемся в этой работе, не только по-прежнему остается за пределами общего апперцептивного фона современных лингвистов, но и инерционно искажается даже наиболее восприимчивыми к его идеям учеными (см. об этом Преображенский 2016: 306–308). Как отмечал С.Ю. Преображенский, «вольные трактовки» системологии Г.П. Мельникова, «кажется стали нормой еще при жизни Геннадия

Прокопьевича» (Preobrazhenskii 2016: 308). Между тем «именно специфическая интерпретация того, что было принято называть в диалектическом материализме “отражением” и позволяла Г.П. Мельникову делать фундаментальное заявление о том, что связь между знаком и значением материализована в намеке, что намек – это не рефлекторная ассоциация, он базируется на мотиве, мотивировке» (Preobrazhenskii 2016: 307). Ученый доказывал, что в основе любого отражения, как следствия взаимодействия сущности объекта с заданными условиями, лежит деформация – примитивный вид материального контакта. «Любое отражение включает в себя по крайней мере две фазы развития, и следовательно, два вида результата: первичную деформацию, навязанную отражаемым объектом, и вторичную, развивающуюся под влиянием возникновения первичной, но протекающую уже без вмешательства отражаемого объекта» (Melnikov 1978б: 124). Эта деформация переходит в зрительное восприятие, потом формируется образ (Melnikov 1978а).

Говоря о системной лингвистике, С.Ю. Преображенский писал о том, что «много усилий требуется для того, чтобы войти в герметичную систему» (Preobrazhenskii 2016: 309). Попытки осознать теорию отражения Г.П. Мельникова ограничены очень небольшим кругом ученых (например, Rudenko 1993, Zubkova 1999, Lipatova 2016). Немного ученых исследуют и системную типологию языков – раздел системной лингвистики, который выявляет особенности внутренней формы каждого из морфологических типов (например, Dremov 2019, Rybakov 2016, Fedosyuk 2019, Lutin 2006, Danylenko 2015).

Данная статья вызвана стремлением раскрыть основные положения теории отражения, разработанной Г.П. Мельниковым. Опираясь на нее, мы рассматриваем особенности «намекания» значения на смысл в тюркских языках и возможность воспроизведения этих особенностей средствами русского языка. Иными словами, пытаемся уйти от простой констатации факта отражения и сосредоточиться на особенностях «языкового думания» с позиций системной лингвистики. Цель статьи – выявить особенности членения смыслов на значения при передаче единого ситуативного содержания средствами типологически разных языков. В центре нашего внимания – объяснительный потенциал системной лингвистики в исследовании особенностей выражения мысли в агглютинативных языках и проблема ее передачи средствами флективного. Исследование проводилось на материале высказываний повседневного общения, выборки из словаря и из сочинений казахских и писателей (М.О. Ауэзова, М. Шаханова и др.) и их переводов на русский.

2. Теоретическая часть

2.1. Понимание внеязыкового и языкового мышления в системной лингвистике: различение смысла и значения

Отсутствие противопоставления между образным мышлением и отвлеченным, характеризующее мировоззренческое отличие системной

лингвистики от традиционной логики и психологии, обосновывается основным положением теории *отражения*. Согласно этой теории, психические единицы, обеспечивающие мышление, имеют образную природу, то есть обладают многими характеристиками, аналогичными, подобными и сходными с объектами внешнего мира. Такая позиция системной лингвистики основывается на понимании *мышления* как протекающих *во внеязыковом сознании* процессов отражения, то есть накопления, хранения и выведения знаний о внешней действительности. Образы сохраняют в себе отраженно какие-либо свойства объектов действительности, говоря иначе, между праобразом¹ и его психическим образом есть подобие. Значит, сопоставление между собой образов может в некоторой степени заменить сопоставление праобразов этих образов. Другими словами: может заменить сопоставление тех объектов, текущие образы которых запечатлеваются в психике субъекта и служат основанием для выработки их обобщенных образов, опираясь на ассоциации по большему сходству. «А наличие знаковых отношений между праобразами может быть причиной или средством “подталкивания” хода наших мыслительных операций в том направлении, которое задается не только непосредственно некоторыми внешними объектами, но и знаками этих объектов» (Melnikov 1979–1980: 48)².

Процесс ассоциации по большему сходству между праобразом и его обобщенным образом основатель системной лингвистики Г.П. Мельников записывал формулой (Melnikov 1978б: 222). Например, !! М – !! М’ – ! М⁰, где знак !! значит ‘появился’, знак ! значит ‘возбудился’, а буква М обозначает, допустим, маму олененка: ‘появилась мама олененка – в психике олененка появился текущий образ мамы – благодаря ассоциации возбудился обобщенный образ мамы’.

Именно образная природа уровней отражения, включая такие предельно абстрактные, как математические, обеспечивает их способность вступать в ассоциации по сходству. Образы же возникают в психике благодаря тому, что органы чувств субъекта обнаруживают ряд свойств, присущих объектам, и в этом отношении образ в большей или меньшей степени подобен *праобразу*, объекту (Melnikov 1980: 65–65б). Обобщенный образ может вступать в ассоциации по сходству с огромным числом других образов – единиц мысли. Именно этим достигается универсальность языка, то есть его

¹ **Праобраз** текущих образов и их обобщенного образа – «объект, текущие образы которого запечатлеваются в психике субъекта и служат основанием для выработки обобщенного образа» (Melnikov 1979–1980: 33).

² Мельников Г.П. Конспект лекций по курсу «Введение в языкознание» (1979–1980). Москва: машинопись, 1980. [Mel'nikov, Gennadii P. 1980. Konspekt lektzii po kursu “Vvedenie v yazykoznanie” (Abstract of lectures on the course “Introduction to Linguistics”). Moscow: mashinopis'. (In Russ.)]. Эти «Конспекты» были сделаны самим Г.П. Мельниковым. Название рукописи сохранено в редакции ее автора – Г.П. Мельникова.

способность использовать ограниченное число знаков для выражения бесконечного числа мыслей в общении.

Принятое в системной лингвистике понимание внеязыкового мышления начинается с И.А. Бодуэна де Куртенэ. *Внеязыковое мышление* представляет собой процесс получения человеком нового, выводного знания в результате сопоставления мыслей, существующих в его психике в виде конкретных и абстрактных образов наблюдаемых и воображаемых явлений внешнего мира. Этот процесс протекает без его непосредственного проявления во внешней действительности в виде речевого потока и без косвенного проявления через те или иные действия человека. Единицей внеязыкового мышления является *смысл*, под которым понимается абсолютный обобщенный образ, отражающий существенные, абсолютные свойства явлений мира, такие, например, как отличие зверя от птиц, растения от мертвого предмета. У всех людей, независимо от особенностей их языка, культуры и т.д., эти образы очень подобны (Melnikov 1980: 70).

Но эти абсолютные образы как единицы смысла у различных народов выражаются в языке, то есть через значения и знаки, по-разному. Это обусловлено тем, что разные языки формируются в разных условиях и намекают на абсолютные обобщенные образы (на смыслы) с помощью относительных обобщенных образов (значений) в одних условиях будет удобнее одним способом, а в других – другим. Значения должны быть удобными только для *намекания* на смыслы (Melnikov 1980: 70). Процесс же выражения мысли (смыслов) в речи через ассоциации смыслов со значениями языковых знаков представляет собой *языковое мышление*.

Говорящий, желая сообщить определенный *смысл*, подбирает, по большому сходству, такое *значение*, которое с достаточной очевидностью для воспринимающего намекало бы в данной ситуации на этот *смысл*. Вообразив значение, говорящий уже тем самым устанавливает, каким знаком это значение можно передать. Восприняв знак, слушающий сразу узнает значение. Но поняв, независимо от ситуации, значение, он уже должен учесть ситуацию и догадаться, на какой из многих возможных смыслов намекает это значение в данной ситуации, в данном коммуникативном акте.

Чтобы знаки были средством *намекания* на смыслы с помощью своих значений, необходимо, чтобы у субъектов, которые общаются с помощью этих знаков, и *обобщенные образы знаков*, и *обобщенные образы значений* были в высокой степени подобными. Чтобы они стали подобными, нужно, чтобы субъекты достаточно долго использовали эти знаки при *взаимном общении*. Только при этом условии любые расхождения в образах знаков и образах значений будут обнаружены и подсознательно исправлены, взаимоподоблены, а значит, знаки вместе с их значениями станут социальными (Melnikov 1980: 53).

2.2. Соотношение схем языковой коммуникации Ф. де Соссюра и системной лингвистики:

ассоциация по сходству как дифференциальный признак этих схем

Схема языковой коммуникации И.А. Бодуэна де Куртенэ (Boduehn de Kurteneh 1963) признает образность и значения, и смысла, независимо от того, конкретный он или абстрактный, то есть является *текущим* или *обобщенным*. Скажем, идет ли речь об образе автомобиля, который в данный момент стоит передо нами, об образе этого автомобиля вообще, образе автомобиля вообще, образе транспорта вообще, образная основа, независимо от уровня обобщения, сохраняется.

Если в психике субъектов есть социальные обобщенные соответственные образы знаков (морфем) и их значений, это означает наличие у них общего языка. Субъекты этого языкового коллектива смогут, благодаря намеканию значениями на смысл, выразить любой смысл, и поэтому языковое общение оказывается универсальным. Намеком значения на смысл в теории И.А. Бодуэна де Куртенэ и его учеников, а также в работах А.А. Потемни (Potebnua 1913), К.С. Аксакова (Aksakov 1875) и других исследователей называется процесс ассоциации непосредственного содержания знака – значения с образом замысла говорящего, то есть со *смыслом*. Именно эта схема языковой коммуникации признается системной лингвистикой. Г.П. Мельников отразил эту схему в рисунке:

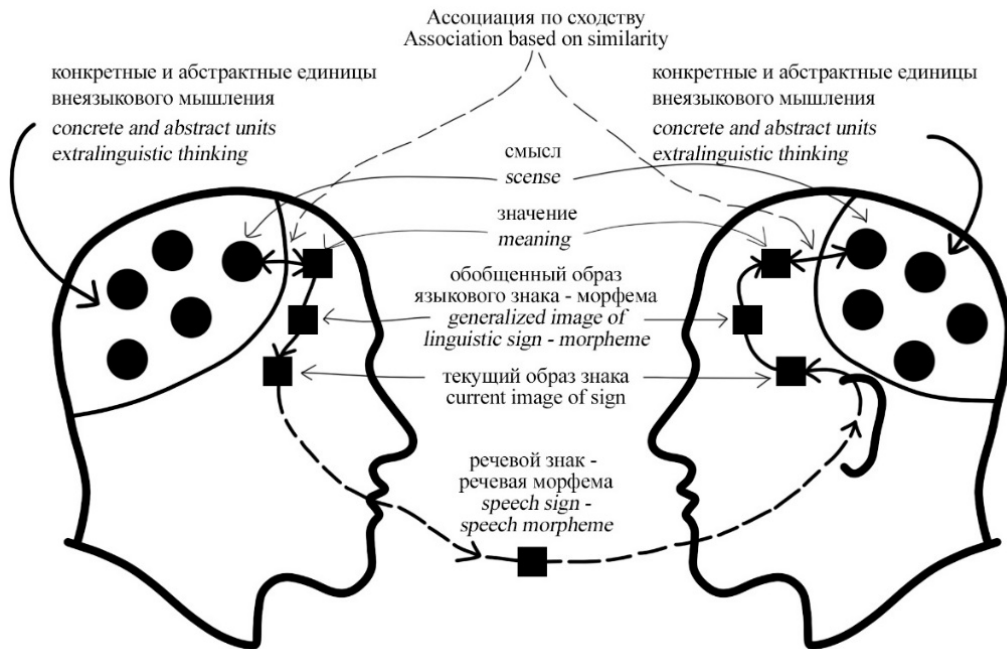

Рис. 1. Схема языковой коммуникации И.А. Бодуэна де Куртенэ (Melnikov 1980: 61) / Fig. 1. Language communication scheme by I.A. Baudouin de Courtenay (Melnikov 1980: 61)

На своих лекциях Г.П. Мельников объяснял соотношение между значением знака и смыслом знака на примере жеста, которому обучали обезьяну. Это жест раствора предварительно сложенных вместе ладоней, который может обозначать ‘открывание дверей’ и с помощью которого обезьяна стала со временем просить открыть ей кран, крышку кастрюли, и потому значение этого жеста обобщилось до значения свободного пути. Жест, в отличие от условного языкового знака, – знак иконический, то есть мотивированный знаком денотата, поскольку причиной возникновения ассоциации между обобщенными образами знака и денотата является сходство самих праобразов.

Этому жесту была обучена молодая шимпанзе, которую учили говорить с помощью жестов. То, что обезьяна могла *опознавать* и *воспроизводить* этот знак, говорит о том, что в психике обезьяны был *обобщенный образ знака*, который ассоциировался в ее психике с обобщенным образом процесса открывания дверей, то есть с *обобщенным образом денотата*. *Процесс ассоциации* может осуществляться в психике обезьяны в направлениях от знака (к обобщенному образу денотата) и от денотата (к обобщенному образу знака).

Когда обезьяна сидит около двери, не может сама открыть дверь и делает жест раскрывающихся ладоней, мы видим знак. Мы опознаем этот знак, и в нашей психике возбуждается обобщенный образ этого знака:

!!З ----- !!З’’----- !З⁰

Но обобщенный образ, независимо от ситуации, ассоциирован со значением О⁰ – ‘освободить путь’. О⁰ – это *значение* данного знака. А так как в данной ситуации мы видим обезьяну около двери, то отбрасываем возможные ассоциации О⁰ с обобщенным образом открытого крана, открытой кастрюли, включенного электричества, и догадываемся, что в данном случае в замысле обезьяны – просьба открыть именно дверь. Следовательно, мы догадываемся, что *смыслом* значения О⁰ является в этой ситуации Д⁰ – обобщенный образ открытой двери (Melnikov 1980: 57):

!!З----- !!З’’-----!З⁰ -----! О⁰ ----- ! Д⁰

Творческая деятельность воспринимающего субъекта состоит в том, чтобы воспринять **актуальный смысл**, то есть тот смысл, ради намек на который говорящий субъект использовал данный знак в данном речевом акте. Этот смысл может не входить в парадигму часто возбуждаемых смыслов смыслового поля, которые связаны со значением данного знака социальной ассоциацией, и не возбуждаться в качестве элемента внутренней формы.

Схемы языковой коммуникации, которые были представлены в «Курсе общей лингвистики» Ф. де Соссюра (Saussure 1933), не объясняют, как значение связывается с мыслью (*со смыслом* – в системной лингвистике). Простейшая схема языковой коммуникации никак не раскрывает те процессы, благодаря которым знаки в речевом потоке воспроизводятся одним человеком и понимаются другими. Только утверждается, что без психики знаки не

появились бы и не были бы восприняты, и что содержание, передаваемое с помощью знаков, тоже хранится где-то в психике.

Более подробная схема языковой коммуникации говорит о существовании обобщенного образа знака и о другом обобщенном образе, непосредственно ассоциированном с образом знака, то есть о *значении*. Говорится и о том, что есть мысль, которую нужно передать, и что она как-то связывается со значением, но как именно Ф. де Соссюр не может объяснить, потому что он считает, что образом является только значение и *обратимый образ знака*, то есть обобщенный образ знака, который субъект может опознавать и воспроизводить, а мысль (в системной лингвистике – *смысл*) – *бесформенна*. Из признания мысли бесформенной следует, что значение не может ассоциироваться с мыслью на основе ассоциации по сходству. Поэтому ассоциацию значения с мыслью Соссюр называл «тайнственной».

В системной же лингвистике, начиная с И.А. Бодуэна де Куртенэ, связь между значением и смыслом объясняется ассоциацией по сходству, то есть такой ассоциацией между образами, которая возникает благодаря тому, что один из образов полностью или частично включается в другой. Если знак своим обобщенным психическим образом связывается с образом мышления через смежный образ благодаря *ассоциации по сходству* смежного образа с образом мышления, то это уже *творческий акт*, который свидетельствует о существовании в психике человека универсального способа общения, который И.П. Павлов (Pavlov 1951) называл второй сигнальной системой. Именно общение членов языкового коллектива на основе намекания на смыслы через возбуждение значений с помощью воспроизводимых сигналов обеспечивает универсальный способ общения.

В свете такого понимания процессов внеязыкового и языкового мышления и процесса языкового общения язык предстает как система воспроизведения и опознания *социальных знаков* для универсального общения между членами языкового коллектива. Иными словами: язык понимается как система средств общения, основанная на возбуждении в психике собеседника соответствующих замыслу говорящего *смыслов* через намекание на смысл с помощью *значений* знаков, которые составляют речевой поток (Melnikov 1980: 59, 61).

3. Анализ

3.1. Оптимальная форма языкового содержания агглютинативного языка и возможность ее экспликации средствами флективного языка

Г.П. Мельников подчеркивал, что различия языкового строя не следует рассматривать как условие разного видения мира. Ученый руководствовался коммуникативной обусловленностью внутренней детерминанты языка при определении языка прежде всего как коммуникативного устройства, а не инструмента мышления. Под внутренней детерминантой языка Г.П. Мельников понимал приобретенное в результате становления языковой системы ее

наиболее устойчивое свойство. Оно проявляется на высшем ярусе и поддерживается своеобразием всех более глубоких ярусов. Мышление же – «не вербально и универсально», поскольку независимо от строя языка у всех народов «процедуры и механизмы мыслительных процессов и актов, осуществляясь в зоне внеязыкового сознания и прогнозирования состояний внешней действительности, остаются общими, универсальными» (Melnikov 2003: 12–13). Любому языку свойственны *общечеловеческие* характеристики сознания и осуществляемое им мышление, так как компонент социального сознания специализирует каждый язык для универсальной коммуникации. Мышление не имеет прямого влияния на типологическое своеобразие языков. На картину мира носителей языка своеобразие языкового типа оказывает *вторичное* – некоторое косвенное влияние. «Обычно же, когда настаивают на том, что человек смотрит на мир через очки языкового мировидения, то, не разграничивая уровней внутренней формы сообщений, являющейся смыслом высказывания и служащей лишь намеком на этапы преобразования повода в сюжет, отождествляют картину мира с коммуникативным ракурсом, а смысл высказывания с сюжетом, формируемым из повода под влиянием этого смысла. Результатом такого неразграничения оказываются неимоверно преувеличенные представления о степени параллелизма между языком и сознанием, говорением и мышлением, и далее в зависимости уже от ряда дополнительных обстоятельств, эти представления на одном полюсе приводят к появлению известной гипотезы Сепира – Уорфа, а на другом – к теории непосредственного воздействия экономического базиса общества на мышление, а мышления – на тип (“стадию развития”) языка» (Melnikov 2003: 135–136).

«Языковое думание», подчеркивал ученый, начинается в тот момент, «когда, в связи с поставленной целью, говорящий выявил границы передаваемого смысла и начал перекодировать его в значения, а слушающий, наоборот, включился в процесс перехода от воспринятых значений к восстановлению смысла, подразумевавшегося говорящим. После того, как смысл передан и воспринят, он может быть включен в мыслительные операции, не связанные с коммуникативной деятельностью и поэтому не содержащие в себе никаких признаков специфики “языкового видения мира”» (Melnikov 2000; см. также Melnikov 2003: 135–136).

Типичные условия общения, учитывающие *типичные* интервалы в коммуникации, выступают как причина приспособления смысла *типичного* высказывания для преобразования *типичного* повода коммуникации в *типичные* сюжеты. Поэтому язык, являющийся самонастраивающейся адаптивной коммуникативной системой, вырабатывает оптимальную в заданных условиях типовую схему типового высказывания (коммуникативный ракурс), в которой проявляется внутренняя форма языка как форма языкового содержания. Так, складывание агглютинативной языковой техники обуславливалось наличием временных и пространственных ограничений на межкоммуникационные интервалы между членами кочевого социума. Кочевники, собирающиеся вместе раз в году, обычно осенью после сезонного

выпаса скота на пастбищах, хотят узнать, как изменились свойства известных всем субъектов и объектов за то время, пока они не виделись. Таким образом формируется *признаковый* коммуникативный ракурс (ракурс изображения). Исследование показывает, что типовая схема типового агглютинативного высказывания регулярно воспроизводится во вторичной моделирующей системе – художественных текстах:

- (1) *Бастары көгеріп, бүрленіп қалған қалың қараған жел лебімен сыбдыр-сыбдыр қағып теңселіп, ыргалып қояды* (Әуезов 2006: 4).
Густой караган с набухшими почками, верхушки которых уже зеленели, от порывов ветра постукивая (ветками), шуршал и раскачивался из стороны в сторону³.
[Букв.: Головы/ верхушки зеленеющиеся, започкововавшийся густой караган⁴ ветра порывами постукивая колыхаясь, раскачиваясь].

Высказывание представляет собой сложный знак целостного смысла. Функционирующая как самостоятельное слово корневая морфема *қараған*, имеющая вещественное значение ‘кустарник’, заключается с обеих сторон, до и после нее, в атрибуты. Расположенные в препозиции атрибуты и слово *қараған* (вид кустарника) составляют тему высказывания. Перевод тематической части высказывания на русский включает в себя включает в себя придаточное определительное, тогда как в агглютинативном казахском языке не только определительные отношения, но и обстоятельственные, и объектные сводятся к разновидностям атрибутивных отношений и выражаются позиционно – постановкой атрибута рядом с уточняемым словом. Поморфемный перевод этого фрагмента раскрывает атрибутивные отношения:

Бастары ‘(их) верхушки’ → *бас* ‘край, оконечность ч.-л., головка’, зд. ‘верхушка’ → *тар* – показатель мн.ч. → *ы* – аффикс притяжат. Род. п.; *көгеріп* от *көгеру* ‘зеленеть’; ‘прорасти, давать ростки (о растении)’ → *көг* от *көк* зд. ‘зелёный’ → *ер* – глаголообраз. суф. → *іп* – суф. дееприч.; *бүрленіп* от *бүрлену* ‘дать почки (о растениях), ‘бутонизация’ → *бур* ‘почка’ → *лен* – гл. возвратного залога → *іп* – суф. дееприч.; *қалған* от *қалу* ‘оставаться’; в роли вспом. гл-ла с предшеств. деепричастиями употребляется в разн. значениях → *ған* – аффикс причастия прош. вр.; *қалың* ‘густой’.

Средствами флективного русского языка мы могли бы эксплицировать эти атрибутивные отношения, отказавшись от использования дополнений и придаточного определительного предложения: *верхушкопочкозеленеющийся густой кустарник*.

Рематическая часть этого высказывания состоит только из атрибутов – *жел лебімен сыбдыр-сыбдыр қағып теңселіп, ыргалып қояды*, содержание которых наиболее точно передается поморфемным переводом:

³ Здесь и далее перевод наш. – У.Б., О.В.

⁴ Караган – вид кустарника.

жел ‘ветер’

лебi мен от *леби* ‘порыв, дуновение’ → *i* – притяж.аффикс 3 л. → *мен* – показатель Тв. п. – ‘порывом, порывами (ветра)’;

сыбдыр-сыбдыр от *сыбдыр* ‘шорох, шелест, журчание’;

кагып от *кагу* ‘стучать, стучаться, выстукивать, ударять, махать, взмахивать, задевать (коснуться кого-чего-л. при движении)’ → *ып* – суф. деепричастия – ‘стуча (ветками)’;

теңселiп от *теңселу* ‘качаться; колыхаться; колебаться, шататься’ → *iп* – суф. деепричастия – ‘качаясь’;

ыргалып от *ырга* *зд.* раскачиваться, колыхаться, качаться’ → *л* – суф. страдат. залога → *ып* – суф. деепричастия – ‘раскачиваясь’;

қояды от *қою* *зд.* в роли вспомог. гл. (*қоя* → *ды* – оконч. 3 л.), указывающий в каком состоянии находится караган.

Перевод – *от порывов ветра постукивая (ветками), шуршал и раскачивался из стороны в сторону* нарушает атрибутивность оригинального высказывания: *стучащий шуршащий качающийся*.

Кустарник (караган) и в тематической, и в рематической части высказывания сопровождается качественными-признаковыми словами («атрибутивными именами»). Номинативный смысл такого высказывания, а такими высказываниями в агглютинативных языках возможно передать любое содержание, содержит «сведения об интегрированном результирующем состоянии, сложившемся за относительно длительный период времени, в течение которого воспользоваться какими-либо каналами коммуникации вообще не было возможности»⁵: *Верхушкопочкозеленящийся густой кустарник / стучащий шуршащий качающийся из стороны в сторону от порывов ветра*.

Проанализируем высказывание, не связанное содержательно с описанием природы, и его перевод средствами русского языка:

(2) *Осындай сәттегі ұйыған тыныштықты, кенет гүжілдеген мотор дауысы бұзды* (Қорғасбек 2006: 46).

Таковую, устоявшуюся к этому времени тишину нарушил внезапный шум мотора.

[Букв.: Такой этот момент устоявшийся тишину внезапный грохочущий шум мотора прервал].

Тематическая часть высказывания – *Осындай сәттегі ұйыған тыныштықты* [Букв.: Такой этот момент устоявшийся тишину]:

⁵ Мельников Г.П. Отчет о НИР «Разработка подсистемы лингвистического обеспечения АИС документально-фактографического типа в области материаловедения». Гос. рег. № 01 86.0103243. Инв. № 02878.0069550. Москва: машинопись, 1986. [Mel'nikov, Gennadii P. 1986. Otchet o NIR «Razrabotka podsistemy lingvisticheskogo obespecheniya AIS dokumental'no-faktograficheskogo tipa v oblasti materialovedeniYA» (Research report “Development of a subsystem of linguistic support for AIS of a documentary-factual type in the field of materials science”). Gos. reg. № 01 86.0103243. Inv. № 02878.0069550. Moscow: mashinopis'. (In Russ.)].

осындай ‘такой, подобный’

сәттегі от *сәт* ‘время; момент; мгновение’ → *те* – аффикс местного падежа → *гі* – словообразоват. суффикс прилаг.;

ұйыған от *ұйыту* ‘квасить, заквашивать, заквасить’; ‘свернуться, свертываться (обычно о молоке), настояться’ → *ұй* → *ы* гласная вставка, востребован. стечением согл. → *ған* – аффикс причастия прош. вр. – ‘устоявшийся, настоявшийся’;

тыныштықты от *тыныш* ‘покой; спокойствие’ → *тық* – словообразов. аффикс абстрактных сущ. → *ты* – показатель В. пад. – ‘покой, спокойствие, тишину’;

Рематическая часть – *кенет гүжілдеген мотор дауысы бұзды* [букв.: внезапный грохочущий мотора шум прервал]:

кенет ‘внезапный’

гүжілдеген от *гүжіл* ‘грохот, гул, шум-гам’ → *де* – глаголообраз. аффикс → *ген* – аффикс причастия прош. вр. – ‘грохочущий’;

мотор ‘мотор’

дауысы от *дауыс* ‘звук, голос’ → *ы* – аффикс принадлежности, притяжат. 3 л. – ‘звук’;

бұзды от *бұзу* ‘портить, ломать, разрушать’; ‘нарушать (порядок, обычай, договор и пр.)’ → *ды* – суф. глагола прош. вр. – ‘нарушил’.

Типичное строение агглютинативного высказывания, когда слово с вещественным значением обрастает атрибутами, наблюдается и в этом примере:

(3) *Бұл жазушының ақындық пішінін түгел көрсететін шығарма.*

Поэтический дар этого писателя полностью отражает данное произведение.

[Букв.: Этого писателя поэтический дар сполна отражающее произведение.]

Бұл указ. местоим. ‘этот; эта; это’

Жазушының ‘писателя (этого)’ → *жазу* (писать) – гл. в неопред. ф. → *шы* – суф., обозначающий лицо по сфере деятельности, → *ның* – окончание со значением притяжательности – ‘этого писателя’;

ақындық ‘искусство поэта, поэтический дар’ → *ақын* ‘акын, поэт’ → *дық* – словообраз. аффикс абстрактных сущ.;

пішінін от *пішін* ‘форма, внешность, облик, дар’ → *і* аффикс принадлежности 3 л. → *н* – показатель В. п.;

түгел ‘весь, целиком, полностью’

көрсететін ‘показывающий, демонстрирующий, доказывающий, свидетельствующий’ → *көру* ‘видеть, зреть’ → *сет* – непроизв. гл. → *етін* – аффикс причастия;

шығарма ‘произведение’.

Г.П. Мельников в разных работах отмечал своеобразие строя тюркских языков, большую строгость и упорядоченность их организации (Melnikov

1971: 136). Относительно простой характер структурирования агглютинативных языков, не сложная синтаксически однотипно передаваемая информация компенсируются лексическим разнообразием. Перечисляемые атрибуты в виде цепочки словоформ, названные в теме-подлежащем, предстают новыми, важными, дополнительными свойствами и признаками по отношению к известным ранее. Атрибутивная функция цепочек словоформ «вполне может быть маркирована только позиционно» (Melnikov 2003: 349–351).

В качестве примера реконструируем ситуацию, когда внуки приехали к бабушке помогать ворошить сено. Одному из них не хватило вил. Бабушка, ища старые вилы, задается вопросом, желая помочь недовольному внуку:

(4) *Былыр жазда пішен үйген кезде бір ұшы сынған ұзын сапты айырды кім алды?*

Кто взял вилы с длинным черенком, у которого в прошлом году во время кучкования сена сломался зубец?.

[Букв.: Прошлом году летом сено собиравшие время один зубчик сломанный длинный черенок вилы кто взял?]

былыр ‘прошлый год’

жазда ‘летом’ от *жаз* – ‘лето’ → *да* – аффикс местн. пад.;

пішен ‘сено, травостой’

үйген ‘собиравший в кучу’; *үй* – непроизв. гл. → *ген* – суф. причастия прош. вр.;

кезде ‘в ту пору’ *кез* ‘пора’ → *де* – аффикс местн. пад.;

бір ‘один’

ұшы ‘зубец его’, корень – *ұш* ‘зубец, острие’ → *ы* – притяжат. аффикс 3-го л.;

сынған ‘сломанный; сломавшийся’, корень *сын* → *ган* суффикс причастия прош. вр.;

ұзын ‘длинный’

сапты ‘насаженный на рукоятку, черенок; снабженный черенком’ → *сап* ‘рукоятка, черенок, ручка’ → *ты* – словообраз. суф. прилаг.;

айырды ‘вилы’ в вин. пад., *айыр* ‘вилы’ → *ды* – показатель В. пад.;

кім ‘кто’

алды ‘взял’; корень *ал* → *ды* – суф. глагола прош. вр.

Каждый фрагмент словоформы вносится как дополнительное изменение, поправка в определенный фрагмент картины мира слушающего – внука. Именно в силу внесенных в его внеязыковое сознание «дополнительных поправок и намеков» слушающий может адекватно актуализировать фрагмент действительности, заключенный в том или ином образе (в данном случае искомым вил). На «оперативном экране» слушающего возникает образ именно тех вил, которые пытается найти бабушка. Это те вилы с длинным черенком, у которых в прошлом году во время кучкования сена сломался один зубец.

На примере следующего вопросительного предложения из стихотворения М. Шаханова (2000: 89) покажем как актуальная для этого сообщения информация может быть передана на русский.

(5) *Кім айтты саған қара ешкі мужіген ағаш
Қайтадан гүлдемейді деп?*

Кто сказал тебе, что дерево, обглоданное черной козой / Снова не зазеленеет?

[Букв.: Кто сказал тебе черной козой глоданное дерево / Снова не зацветет, сказав?]

кім ‘кто’

айтты от *айту* ‘говорить, сказать, поведать’; корень *айт* → *ты* – суф. прош. вр. – ‘сказал’;

саған ‘тебе’

қара ‘черный’

ешкі ‘коза’

мужіген ‘глоданный’; корень *мужі* → *ген* – суффикс причастия прош. вр.;

ағаш ‘дерево’

қайтадан ‘снова, заново, повторно’

гүлдемейді ‘не зацветет’ – *гүл* ‘цветок’ → *де* – глаголообраз. аффикс → *ме(й)*, суф., образующий отрицательную форму → *ді* – суф. глагола прош. вр.;

деп ‘сказав’, корень *де* → *п* – суффикс деепричастия.

На флективном русском возможно два варианта передачи содержания: 1) Кто сказал тебе, что дерево, обглоданное черной козой, вновь не зазеленеет / не зацветет? 2) Кто сказал тебе, что обглоданное черной козой дерево вновь не зазеленеет / не зацветет? На казахском языке актуальную для этого сообщения информацию можно передать только вторым вариантом: *обглоданное черной козой дерево*.

3.2. Выражение конечного смысла средствами типологически разных языков

С позиций системной лингвистики, независимо от количества морфем и, соответственно – значений, обуславливающих различия числа ближайших смыслов, даже если в различных языках это количество примерно одинаковое, содержания ближайших смыслов будут в большей или меньшей мере отличаться. Напомним: ближайшими смыслами, вслед за А.А. Потебней, называются смыслы, на которые непосредственно намекают значения морфем. Различия в выражении ближайших смыслов средствами разных языков отчетливо проявляются в способе номинации: «в одном языке узуальное или эвентуальное наименование выражаемого актуального конечного смысла может быть осуществлено средствами *однословной номинации*, тогда как и в другом языке для этого потребуется *когноминация*, т.е. использование узуальных смыслов двух или даже большего числа слов в качестве *предконечных* для намёка на определённые компоненты *конечного* смысла» (Melnikov 2000).

Многие однословные номинации, характеризующие кочевой быт тюркских народов и их особое отношение к природе, в русском языке передаются

только когноминацией: **АЛАГЕУІМ** (*zi*) предрассветные сумерки (Kazakh-Russian dictionary 2008: 51).

ЖЕРІК (*zi*) прихоть, вкусовые капризы, привередливость у беременной женщины; (толкование: потребность беременной женщины в утолении некоего желания). **ЖЕРІК+ТІК** → **ЖЕРІКТІК** (*zi*) состояние привередливости, вкусовые капризы у беременной женщины (Там же: 325).

ЖОЛДАСУ – *этн.* определять или устанавливать что-л. по традиции (по обычаю) (Там же: 333).

КЕПЕ ягненок (название ягненка в определенном периоде; развитие ягненка идет от кошакана к козы, от козы к марка, от марка к баглану, от баглана к кепе, от кепе к токты (Там же: 399). Кошакан (*каз.:* қошақан) 1) *уменьш.-ласк.* ягненок, 2) *перен.* ласковое обращение к младенцу; Козы (*каз.:* қозы) ягненок домашний и дикий; Марка (*каз.:* марқа) – ягненок раннего окота; Баглан (*каз.:* бағлан) 1) подросший упитанный ягненок (*т.е.* ягненок раннего окота, который уже перестал сосать матку); *перен.* избранный или уважаемый в обществе человек (во мн.ч.: «сливки» общества, элита); Токты (*каз.:* тоқты) ярка – овечка от шести месяцев до года.

БАРЫМТА *ист., этн.* баранта (одна из форм решения родовых споров: самовольный захват, угон скота – табунов лошадей – у обидчика в возмещение причиненного ущерба – когда тот не исполнял решения биев (би – *зд.* судья, разрешающий споры), позже превратились в грабеж, практикуемый враждующими родами) (Там же: 129).

ТАҚЫР (*каз.:* тақыр) 1) пустое место, лысое место (потрескавшаяся солончаковая голая земля); 2) ровное место, где нет травы (Там же: 763).

Существенным, хотя и косвенным показателем являются и транслитерированные тюркизмы в русскоязычных текстах тюркских писателей. Так, например, слово

МАНКУРТ (*каз.:* маңқұрт) стало широко известным после выхода первого романа Ч.Т. Айтматова «Буранный полустанок (И дольше века длится день)». В тексте романа этот тюркизм толкуется так: Манкурт не знал, кто он, откуда он родом-племенем, не ведал своего имени, не помнил своего детства, отца и матери – одним словом, *манкурт* не осознавал себя человеческим существом» (Aitmatov 1998: 129);

АЙНАЛАЙН (*каз.:* айналайын) в авторской ремарке О.О. Сулейменов поясняет слово так: «Обращение к дорогому человеку – айналайн. ‘Кружусь вокруг тебя’ – подстрочный перевод. ‘Принимаю твои болезни’ и ‘Любовь моя’ – смысловые переводы» (Suleimenov 1989: 144, 307).

Эти примеры показывают различия выражения конечного смысла средствами разных языков. Смыслы лексем: *жерік, жеріктік, кепе, баглан, марка, манкурт, айналайн* и др. оказываются ближайшими и потому выражаются однословной номинацией, а на русском – многословной, то есть *когноминацией* (термин Г.П. Мельникова). При когноминации, сложном именуемом знаке, отношения между смыслами лежат в «плоскости», а не в «цепи», как при

деривационной номинации. Таким образом, в русском языке пришлось использовать узуальные смыслы большего числа слов в качестве предконечных, необходимых для намека на определенные компоненты конечного смысла.

Выражение конечного смысла средствами типологически разных языков будет разным. Покажем это на казахских словах класса действий: **отыр** (букв.: сидит), **жатыр** (букв.: лежит), **тұр** (букв.: стоит), **жүр** (букв.: ходит). Все эти слова являются вспомогательными глаголами и принадлежат к одной лексико-семантической группе. Указывая на физическое (рас)положение тела человека в пространстве (находится ли он в горизонтальном или вертикальном положении, статичен или динамичен), они раскрывают особенность производимого человеком действия. Так, русское высказывание

- (6) *Дина читает книгу* на казахском языке может иметь следующие переводные варианты:

Дина китап оқып **отыр**. [Букв.: Дина книга читающая **сидит**.]

Дина китап оқып **жатыр**. [Букв.: Дина книга читающая **лежит**.]

Дина китап оқып **тұр**. [Букв.: Дина книга читающая **стоит**.]

Дина китап оқып **жүр**. [Букв.: Дина книга читающая **ходит**.]

Присущие этим четырем словам значения образа действия, длительности и видового характера этого действия (постоянный характер действия или его повторяемость, процессуальность или динамичность, кратковременность или длительность) получает свое уточнение только контекстуально.

Особенности выражения конечного смысла средствами типологически разных языков проясняются при сопоставлении литературного перевода с глоссированием переводимых словоформ. Покажем это на примерах:

- (7) *Мать дома готовит еду.*

[Букв.: Шешем уйде тамақ пісіріп **жатыр**.]

шеше ‘мать’; *шеше* → *м* – притяж. аффикс 1 л. ‘мать моя’

уй ‘дом’; *уй* → *де* – показатель П. п. ‘дома’

тамақ ‘еда’

пісіріп ‘готовящая’ → *піс* – непроизв. гл. → *ір* – аффикс страд залога → *ін* – аффикс деепричастия.

- (8) *Мой младший брат матери помогает.*

[Букв.: Інім шешеме көмектесіп **жүр**.]

інім ‘младший брат мой’; *іні* ‘младший брат’ → *м* – аффикс притяж. 1 л.;

шешеме ‘матери моей’; *шеше* ‘мать’ → *ме* – аффикс притяж. 1 л. Дат. п.;

көмектесіп ‘помогающий’; *көмек* ‘помощь’ → *тес* – повелит. накл. гл. ‘помоги’ → *ін* – аффикс деепричастия;

жүр – вспомогат. гл.

- (9) *Два человека разговаривают.*

[Букв.: Екі адам сөйлесіп **тұр**.]

Екі ‘два’

адам ‘человек’

сөйлесіп ‘разговаривая’; *сөйле* – гл. повелит. накл. ‘говори’ → *с* – аффикс совместного залога → *ін* – аффикс деепричастия;
тұр – вспомогат. гл., зд. букв: ‘стоят’;

(10) *Моя бабушка перед телевизором вяжет носок.*

[Букв.: Эжем теледидардың алдында шұлық тоқып отыр.]

Әжем ‘бабушка моя’; *әже* ‘бабушка’ → *м* – аффикс притяж. 1 л.;
теледидардың ‘букв.: телевизорный’; *теледидар* ‘телевизор’ → *дың* – аффикс притяжат. 3 л
алдында от *алды* ‘перед, передняя, фасадная часть, сторона’ → *н* (соед. протеза) → *да* – аффикс местн. пад., указывающий на (рас)положение;
шұлық ‘носок’
тоқып зд. ‘вяжущая’ → *тоқы* – повелит. форма гл. ‘вяжи’ → *п* – аффикс дееприч.;
отыр – вспомогат. гл. зд. букв. ‘сидит’.

В книге «Плач охотника над пропастью» («Исповедь на исходе века») М. Шаханов, говоря об обычаях и традициях казахов, приводит интересный пример, демонстрирующий одно из предписаний для казахской снохи. Молодой невестке было не положено называть по имени родителей мужа, а его братьям и сестрам она должна была дать новые имена.

(11) *На противоположном берегу реки, в камышах, напал на овечку волк. Тут за водой пришла невестка и спугнула волка. Увидев умирающую овцу, вынула невестка нож, наточила его об оселок да и перерезала горло овце, чтобы та избавилась от мук. Вернувшись домой, захотела было рассказать о происшедшем, да вспомнила, что братьев мужа звали Озенбай (‘озен’ – река), Камысбай (‘камыс’ – камыш), Койшыбай (‘кой’ – овца), Каскырбай (‘каскыр’ – волк), Кездикбай (‘кездик’ – нож), Кайракбай (‘кайрак’ – оселок, точило). Как же назвать их имена? Подумала, подумала невестка, да и придумала: «На том берегу журчащей, с одной стороны от шелестящих, воющий наплеющую. Вынула я свой режущий, провела им по точащему, да и перерезала ей горло (Aitmatov & Shakhanov 1996: 11).*

В казахской версии этой книги рассказ невестки представлен так:

(12) *Сарқыраманың арғы жағында, сылдырламаның бергі жағында, маңыраманы ұлыма жеп жатыр екен, жанымамды ала салып, білемеге жанып-жанып жібердім де, бауыздап тастадым (Shy`nғу`s Aitmatov, Mұkhtar Shakhanov 1997: 12).*
[Букв: **Журчащей** тот берег, **шелестящих** этот берег, **плеющую воющий** поедает оказывается, **режущий** взяв, об **точащий** поточила, поточила, да зарезала.]

В рассказе находчивой невестки проясняются переданные русским языком наиболее оптимальные «технологические» модификации формы предикативного акта в агглютинативном языке. Эти особенности отражают

своеобразие коммуникативного ракурса агглютинативных языков – качественно-признакового. Но в условиях коммуникации других языковых коллективов, например, флективных, эти технологические модификации будут неоптимальными. На это повлияет свойственная им необходимость передачи информации по длинной цепи ретрансляций и возможность опоры только на общность родо-видовых смыслов при общении между собой малознакомых или совсем незнакомых людей, характерном для сверхбольших культурно однородных коллективов, ведущих оседлый образ жизни.

4. Заключение

Идеи В. фон Гумбольдта о внутренней форме, которые развивали Л. Вайсгербер, Э. Сепир, Б. Уорф, А.А. Потебня, Г.Г. Шпет, были конкретизированы в теории Г.П. Мельникова через понятие *коммуникативного ракурса* языкового типа, который выражается в типовой схеме высказывания. Типовая схема высказывания на агглютинативном языке может быть записана формулой Т (тема) Р (рема), где рема представляет собой Т' (повторенную тему) и перечень атрибутов А¹, А², А³ и т.д.:

$$T P = T + T' + A1, A2, A3...$$

Именно типовая схема высказывания определяет то, какие типы смыслов при номинации чаще всего выступают в качестве ближайших. Многочисленные однословные номинации, как показало исследование, характеризующие кочевой быт тюркских народов и их особое отношение в природе, в русском языке передаются только когноминацией. Так не сложная синтаксически однотипно передаваемая информация, компенсируются в агглютинативном языке чрезвычайным лексическим разнообразием.

Предпринятое в статье сопоставление схемы языковой коммуникации Ф. де Соссюра (Saussure 1933) и схемы языковой коммуникации И.А. Бодуэна де Куртенэ, позволило уточнить их принципиальное различие. Если Ф. де Соссюр считал образом только значение и потому не мог объяснить связь значения со смыслом (мыслью), то в системной лингвистике признается образная природа и значения, и смысла. Это позволяет объяснить связь между значением и смыслом ассоциацией по сходству и провести разграничение между внеязыковым мышлением, носящим универсальный характер, и «языковым мышлением».

Проведенное сопоставление реализаций типовой схемы агглютинативного высказывания и возможностей их перевода раскрыло способность передавать средствами событийного русского языка статичность агглютинативного языка и преобразовывать эту статичность в событийность в зависимости от цели общения. Таким образом была доказана способность передавать единое мыслительное содержание разными средствами, выработанными в разных типах языков под влиянием условий общения. Это позволило верифицировать разрабатываемое Г.П. Мельниковым одно из базовых

положений системной лингвистики об универсальности мышления как такового. Строгое разграничение языкового и внеязыкового мыслительного содержания, конечного смысла и его внутренней формы дает возможность осознать, что различия в выражении конечных смыслов не означают различия в восприятии внешнего мира, вызываемого грамматическим строем языка.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Aksakov, Konstantin S. 1975. Philological writings. *Polnoe Sobranie. Sochinenii*. V. 2. Moscow: Universitetskaya tipografiya (Katkov i K). (In Russ.)
- Boduehn de Kurteneh, Ivan A. 1963. *Selected Works on Linguistics*. V. 2. Moscow: AN SSSR Publ. (In Russ.)
- Dremov, Aleksei F. 2019. Zones and taxis: Locative semantics of Russian cases in terms of modern systems linguistics. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics* 10(4). 789–809. (In Russ.) <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2019-10-4-789-809>
- Zubkova, Lyudmila G. 2003. On the main linguistic work of G. P. Melnikov. In Gennadii P. Melnikov (ed.), *System typology of languages: Principles. Methods. Models*. 6–17. Moscow: Nauka. (In Russ.)
- Zubkova, Lyudmila G. 1999. *Language as a Form. Theory and History of Linguistics*. Moscow: RUDN Publ. (In Russ.)
- Lipatova, Tat'yana V. 2016. The formation of meaning and functional motivation of language units' semantics. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics* 1. 25–31. (In Russ.)
- Lutin, Sergei A. The origins and essence of the determinant approach to language as a system (in memory of G.P. Melnikov). *RUDN Journal of Linguistics* 2(8). 13–21. (In Russ.)
- Mel'nikov, Gennadii P. 1971. Principles of systemic linguistics in application to the problems of Turkic studies. *Structure and History of Turkic Languages*. 121–137. Moscow: Nauka. (In Russ.)
- Melnikov, Gennadii P. 1978a. Baudouin's understanding of the systemic nature of language. *Language Practice and Theory of Language*. 32–51. Moscow: Moscow State University Publ. (In Russ.)
- Mel'nikov, Gennadii P. 1978b. *Systemology and Linguistic Aspects of Cybernetics*. Moscow: Sovetskoe radio. (In Russ.)
- Mel'nikov, Gennadii P. 2000. *Systemic Typology of Languages: Synthesis of Morphological Classification of Languages with Stadiol*. Moscow: RUDN. (In Russ.) https://www.philol.msu.ru/~lex/melnikov/meln_syst/g12.htm#p5 (accessed 08.09.2021).
- Mel'nikov, Gennadii P. 2003. *Systemic Typology of Languages: Principles. Methods. Models*. Moscow: Nauka. (In Russ.)
- Pavlov, Ivan P. 1951. *Full Composition of Writings: V 6. 2-nd edn*. Moscow – Leningrad: AN SSSR Publ. Vol. 3. kn. 2. (In Russ.)
- Potebnya, Aleksandr A. *Thought and language*. Kharkov: M.V. Potebnya. (In Russ.)
- Preobrazhenskii, Sergey Yu. 2016. System analysis of verse. In Olga I. Valentinova et al. (eds.), *The Systemic view as a basis for philological thought*, 303–376. Moscow: Yazyki slavyanskikh kul'tur Publ. (In Russ.)
- Rudenko, Dmitrii I. 1993. Linguo-philosophical paradigms: The boundaries of language and the boundaries of culture. *Philosophy of Language within the Boundaries and beyond the Boundaries*. 101–173. Kharkiv: Oko. (In Russ.)
- Rybakov, Mikhail A. 2016. Development of ideas about the typological similarity of languages. In Olga I. Valentinova et al. (eds.), *The Systemic view as a basis for philological thought* 17–136. Moscow: Yazyki slavyanskikh kul'tur Publ. (In Russ.)

- Saussure, Ferdinand de. 1933. *Course of General Linguistics*. Moscow: Sotsekgiz (In Russ.)
- Fedosyuk, Mikhail Yu. 2019. «Nedarom pomnit vsya Rossiya pro den' ... Borodino», or why toponyms ending on -ino, -ovo stop to be declined. *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Russian Philology* 5. 333–341. (In Russ.) <https://doi.org/10.18384/2310-7278-2019-5-333-341>
- Danylenko, Andrii. 2015. On the mechanisms of grammaticalization of comitative and instrumental categories in Slavic. *Journal of Historical Linguistics* 2(2). 267–296. <https://doi.org/10.1075/jhl.5.2.03dan>

Источники / Sources

- Aitmatov Chingiz T. 1998. *Sobranie sochinenii: V 7-mi t. T. 3. Roman*. – M.: Turkestan.
- Aitmatov, Chingiz T. & Mukhtar Sh. Shakhanov. 1996. *Confession at the End of the Century*. Almaty: Rauan. (In Russ.)
- Syzdykova, Rabiga G. & Kobey Sh. Husain. (eds.). *Kazakh-Russian Dictionary: About 50,000 Words*. Almaty: Dike-Press.
- Ky'zy'l beltirik (Zhinak) Povester / Əuezov M., Қорғасбек Zh., Altaj A., Shařataj Zh., Akhmetzhan T. Almaty': «Arda», 2006. (In Kazakh)
- Suleimenov, Olzhas O. 1989. *Essay, Journalism. Poems, Poems. Az and I*. Alma-Ata: Zhalyun. (In Russ.)
- Shy'nfу's Aјtmatov, Mүkhtar Shakhanov. Қыз basy'ndaғу` аңshу`ny`ң zary` (Fasy'r ajry`-fу`ndaғу` sy`rlasu): – Almaty': Rauan, 1997. (In Kazakh)

Article history:

Received: 02 December 2021

Accepted: 14 December 2021

Сведения об авторах:

Улданај Максутовна БАХТИКИРЕЕВА – доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка и межкультурной коммуникации Института русского языка Российского университета дружбы народов. Область научных интересов: системная лингвистика, русско-инонациональный художественный би- и транслингвизм, теория и практика перевода, языковая политика. Главный редактор журнала «Полилингвильность и транскультурные практики», научный редактор журнала «Филологические науки (Научные доклады высшей школы)».

Контактная информация:

Российский университет дружбы народов
Россия, 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6
e-mail: bakhtikireeva-um@rudn.ru

Ольга Ивановна ВАЛЕНТИНОВА – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры общего и русского языкознания филологического факультета Российского университета дружбы народов. Область научных интересов: системная лингвистика, филологическая герменевтика, историческая стилистика, теория и история поэтического языка.

Контактная информация:

Российский университет дружбы народов
Россия, 11719, Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6
e-mail: valentinova-oi@rudn.ru

Bionotes:

Uldanai M. BAKHTIKIREEVA is Dr. Habil. in Philology, Professor of the Department of the Russian Language and Intercultural Communication at the Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University). Her research interests include systemic typology of languages, bilingualism and translingualism, theory and practice of translation, and language policy. She is the chief editor of the journal "Polilinguagism and Transcultural Practices" and a scientific editor of the journal "Philological Sciences (Scientific Essays of Higher Education)".

Contact information:

RUDN University
6, Miklukho-Maklaya, Moscow, 117198, Russia
e-mail: bakhtikireeva-um@rudn.ru

Olga I. VALENTINOVA is Dr. Habil. in Philology, Professor in the Department of General and Russian Linguistics at the Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University). Her research interests embrace systemic linguistics, philological hermeneutics, historical stylistics, theory and history of poetic language.

Contact information:

RUDN University
6, Miklukho-Maklaya, Moscow, 117198, Russia
e-mail: valentinova-oi@rudn.ru